

18+

Составитель:

Андрей Тихомиров

Наука подтверждает — 7

Сборник статей

Андрей Тихомиров

**Наука подтверждает – 7.
Сборник статей**

«Издательские решения»

Тихомиров А.

Наука подтверждает – 7. Сборник статей / А. Тихомиров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556400-9

Среди ученых происходят постоянные дискуссии вокруг одного из важнейших вопросов истории: когда появилась религия? Каким образом у одного из представителей отряда приматов — человека — возникло абстрактное мышление и вера в сверхъестественные силы? Любая религия основана на вере, а вера — внушение и самовнушение, то есть гипноз. А гипноз в переводе с греческого «сон», то есть сон мозга. А когда мозг спит, им руководит внушение «заинтересованных лиц» или самовнушение самого человека.

ISBN 978-5-00-556400-9

© Тихомиров А.
© Издательские решения

Содержание

Религия – вера – гипноз	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наука подтверждает – 7

Сборник статей

Андрей Тихомиров *Составитель*

ISBN 978-5-0055-6400-9 (т. 7)

ISBN 978-5-0053-5486-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

<https://reestrrekordov.ru/naibolshee-kolichestvo-tematicheskikh-knig-izdannyh-odnim-avtorom/>

Сайт автора:

<http://gazetavseti.narod.ru/>

Религия – вера – гипноз

Любая религия основана на вере, а вера – внушение и самовнушение, то есть гипноз. А гипноз в переводе с греческого «сон», то есть сон мозга. А когда мозг спит, им руководит внушение «заинтересованных лиц» или самовнушение самого человека.

«Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „перейди отсюда туда“, и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас» (Матф., 17: 20)

«Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (Иак., 2: 20).

Вера является внушением и самовнушением, именно тогда и гора сдвинется с места, на самом деле это будет лишь иллюзия, самообман, внушение и самовнушение. Для этого и нужны некие дела.

Олег Мороз в статье «Все болезни – от Земли», с. 161, в книге «От имени науки», утверждает: «На протяжении многих тысячелетий, с самого зарождения человеческого мозга, психики, неизменной спутницей человека была вера. Сильно поверить во что-то было почти равнозначно осуществлению этого чего-то. Стоило человеку уверовать, что он нездоров, и его действительно одолевал недуг. Стоило поверить в выздоровление – и он поднимался с одра болезни. Все дело именно в том, чтобы поверить твердо, по-настоящему. Во все времена были люди, игравшие в этом деле роль катализаторов, дрожжей, – колдуны, кудесники, волхвы, шаманы...»

В качестве примера в статье «По подсказке богов...», с. 61—70, этой же книге он, ссылаясь на профессора Принстонского университета Джулиана Джейнса, рассматривает героев «Илиады» Гомера, у которых есть примечательное свойство: сплошь и рядом важные решения за них принимают боги.

Действие в поэме начинается с того, что вождь ахейцев царь Агамемнон отвергает просьбу «жреца непорочного» Хриса вернуть ему за богатый выкуп его дочь, плененную ахейцами. В отместку за такую дерзость бог Аполлон обрушивает на ахейцев кары.

Далее цитаты из «Илиады»:

«...Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду
закрытый...»

В самом начале на месков напал он и псов
празднородных;

После постиг и народ, смертоносными
прыща стрелами;

Частые трупов костры непрестанно пылали
по стану».

Боги подсказывают сподвижнику Агамемнона Ахиллесу (Пелиду) путь к спасению:

«Девять дней на воинство божие стрелы
летали;

В день же десятый Пелид на собрание
созвал ахеян.

В мысли ему то вложила богиня державная
Гера:

Скорбью терзалась она, погибающих видя
ахеян».

«На сонме» Ахиллес предлагает узнать – через «жреца, иль пророка, или гадателя снов», – чем же разгневан Аполлон. «Верховный птицегадатель» Калхас и объясняет ахейцам, в чем дело.

Агамемнон соглашается отдать Хрису дочь, но взамен угрожает присвоить другую пленницу, Бризеиду, являющуюся собственностью Ахиллеса, его «наградой», – чтобы Ахиллес понял, насколько он, Агамемнон, властью выше его.

Оскорбленный Ахиллес терзается в поисках решения – либо немедленно убить обидчика, либо покориться.

Снова решение приходит от богов: «В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,

Страшный свой меч из ножен извлекал он, – явилась Афина...

«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,

С неба сошла; ниспослала меня

златотронная Гера...

Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя

гневное сердце,

Злыми словами язвы, но рукою меча не

касайся...»

Нельзя сказать, чтобы боги всегда давали мудрые и спасительные советы. Не моргнув глазом, они дают советы коварные, завлекающие в ловушку. Так, Зевс, чтобы отомстить Агамемнону за Ахиллеса, советует вождю ахейцев повернуть войска на Трою, завоевать ее: по замыслу Зевса, ахейцы вместе со своим вождем будут истреблены в этой войне.

Такие эпизоды – когда боги действуют, словно суфлеры, – действительно пронизывают всю поэму. На этом основании профессор Дж. Джейнс делает неожиданный вывод: древние греки не обладали сознанием.

«Потрясающий факт! – восклицает он. – Герои „Илиады“ были фактически автоматами. Они не принимали решений, не строили планов... Всякий раз, когда назревала необходимость принять решение, появлялись боги. Как только возникала критическая ситуация, кто-нибудь слышал их голоса или видел их... Без подсказки же древние греки совершали поразительно наивные поступки. Взять хотя бы знаменитый эпизод с троянским конем. Как можно было польститься на громадного коня, которого подсунули враги?»

Что же, боги в самом деле существовали в ту пору? Джейнс считает, что мозг древнего человека был расщеплен. В правом полушарии накапливался опыт и созревала подсказка, как действовать. Она передавалась левому полушарию – органу исполнительной власти – в форме слуховых галлюцинаций. Человек как бы слышал голоса извне. Естественно, он принимал их за голоса богов. К слуховым галлюцинациям часто добавлялись и зрительные. Боги запросто являлись сыновьям Земли.

Действительно ли «Илиада» дает повод для таких заключений? Случаев, когда люди принимают самостоятельные решения, без всякого участия богов, в поэме, конечно, не меньше, чем случаев с продиктованными советами.

По своей, а не по чьей-то воле Агамемнон принимает то самое решение, с которого все началось, – не возвращать Хрису его дочь:

«...Гордо жреца отослал и прорек ему

грозное слово:

«Старец, чтоб я никогда тебя не видал

пред судами!

Здесь и теперь ты не медли и впредь не

дерзай показаться!

Или тебя не избавит ни скипетр, ни венец

Аполлона.

Деве свободы не дам я; она обветшает
в неволе,

В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от
отчизны далече —

Ткальный стан обходя или ложе со мной
разделяя.

Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

Так же – без всяких подсказок – решает Агамемнон отнять у Ахиллеса Брисеиду:

«...Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клеветов и вестников, так заповедовал, гневный:

«Шествуйте, верные вестники, в сень

Ахиллеса Пелида;

За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля представьте:

Если же он не отдаст, возвратитесь —

сам я исторгну:

С силой к нему я приду, и преслушному
горестней будет».

Когда сходятся и выстраиваются друг перед другом войска ахейцев и троянцев, Парис, похититель Елены, решает выйти вперед и вызвать на единоборство храброго воина неприятельской рати. Боги при этом молчат.

«...Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,

С кожей парда на раме, с луком кривым за плечами

И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых

Гордо колебля, он всех вызывал из Данаев храбрейших,

Выйти противу него и сразиться жестокою битвой».

Со стороны ахейцев выходит Менелай, «законный» муж Елены, обрадованный возможностью отомстить недругу, тоже никем свыше не побуждаемый. Увидев его, Парис трусливо прячется за спины товарищей: «Но, лишь увидел его Приамид,

Александр боговидный, Между передних блеснувшего, сердце
его задрожало;

Быстро он к сонму друзей отступил,
избегающий смерти.

Словно как путник, увидев дракона в
ущелиях горных,

Прядает вспять и от ужаса членами
всеми трепещет,

Быстро уходит и бледность его
покрывает ланиты, —

Так убежавши, в толпу погрузился троян
горделивых

Образом красный Парис, устрашаясь

Атреева сына».

Что ж, это все обычные людские поступки, никак не заданные богами. Будь они заданы, все выглядело бы иначе.

Словом, герои «Илиады» действуют и так и этак – и следуя голосу богов, и по своей собственной воле. Напрасно было бы пытаться подсчитать, как чаще. Если бы даже кто-то произвел такой подсчет (тяжелая работа), результаты ни о чем бы определенно не сказали.

У нас нет причин отступаться от привычного понятия о том, какова в «Илиаде» роль богов. Они такие же участники событий, как и люди. Боги подвержены обычным человеческим страстям – любви, ненависти... Потому они без конца вмешиваются в человеческую жизнь – наказывают одних, защищают других, сталкивают людей друг с другом... Между ними самими то и дело происходят ссоры. Боги-олимпийцы – почти осязаемые для эллинов обитатели Земли, лишь более могущественные и неподвластные смерти.

Не только боги держат слово к людям, но и люди – к богам. Ну разумеется, если с Олимпа на низменную землю летят советы и приказы, обратно – просьбы и мольбы. Ахиллес умоляет Фетиду заступиться за него и замолвить слово Зевсу, чтобы покарал он Агамемнона:

«Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!

Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса...»

Впрочем, люди, бывает, и подсказывают богам, как именно действовать, чтобы удовлетворить их людские смиренные мольбы. Собственно, не кто иной, как Ахиллес, подсказывает Зевсу через посредство Фетиды, каким образом наказать Агамемнона за его, Ахиллеса, поруганную честь – вовлечь в войну с троянцами:

«Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена, Пусть он, отец, возжелает в боях побороть за пергамлян, Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,

Смертью разить, да своим аргивяне царем наслаются;
Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».

И громовец Зевс послушался совета смертного.

Так что между богами и людьми в «Илиаде», как сказали бы теперь, идет почти равноправный информационный обмен. Это же подтверждает и Ахиллес, говоря Афине, которая увещевает его не вступать в открытую распрю с Агамемноном:

«Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши.

Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:

Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

Словом, не все в «Илиаде» так, как представляется Джейнсу. На этот раз нет повода производить археологические раскопки, разыскивать «Трою» – докапываться, что реальное скрыто за советами и подсказками богов.

Но все-таки речь в действительности идет не о богах, а об устройстве мозга.

«Появление двухпалатного мозга было исторической необходимостью, – считает Джейнс. – Когда какое-нибудь племя достигало численности примерно в тридцать человек, становились нужны новые формы коммуникации и социального контроля. Я предполагаю, что галлюцинации двухпалатного мозга и были этим социальным контролем. Индивидуум слышал реальную команду вожака и выполнял ее. А когда повелитель умирал, его голос становился галлюцинацией. Такой голос мог „думать“ и решать проблемы, с которыми сталкивался человек».

Полно, всерьез ли это? Галлюцинации вместо сознания! Разве мог бы человек выжить, будучи в плену фантастических видений, пусть даже и порожденных реальностью? Ведь ему приходилось ежеминутно, ежесекундно ориентироваться в действительности, чтобы не погибнуть.

Понимая эту слабость своей теории, Джейнс старается заткнуть прореху. Он пишет, что со временем галлюцинации стали неудобными для управления человеком. Даже называет время, когда это произошло, – около 1480 года до нашей эры. Тогда произошло извержение вулканов на островах Санторин. Гигантская волна прошла вдоль берегов Эгейского моря, вызывая ужасные разрушения. Толпы беженцев, спасаясь, устремились в глубь материка. В этих условиях галлюцинации уже не могли поддерживать беженцев, им необходим был какой-то более реалистический способ ориентировки. Так и был дан толчок развитию современного сознания.

Но эта заплатка на теории мало ей помогает. Разве извержения вулканов на островах Эгейского моря были первыми катастрофами, какие пережили люди? Катастрофы случались на протяжении всего существования человечества. О том и речь – человек постоянно подвергался опасности, неучет ее грозил гибелью. Естественный и социальный отбор искал для человека самые эффективные, самые плодотворные инструменты управления поведением. Можно ли вообразить, чтобы он подсунил ему такое негодное, заваливающее орудие, как галлюцинации?!

Что удивительного, что боги у Гомера подсказывают человеку, как себя вести? Надо ли непременно искать за богами какую-то реальную основу? Ведь это то же самое, что видеть космических пришельцев в героях древних сказаний и мифов. Мифический мир древнего человека был населен богами. Боги должны были что-то делать. Диктовать человеку важные решения – вполне достойная роль. Такую роль предоставляли мифы богам».

Здесь можно дополнить о том, что извержение Санторина произошло около 1380 года и рассказ об этом имеется в библейской книге «Исход»: Тихомиров А. Е., Исход. https://ridero.ru/books/iskhod_2/

А боги в «Илиаде» и в других древних произведениях являются людьми, только обладающими большими возможностями и технологиями.

Для того, чтобы поставить вопрос об исторических предпосылках христианства, необходимо обратить внимание на черты христианского Бога, резка отличающие его от богов языческой Эллады. Во-первых, в христианстве мы видим единого Бога, в отличие от множества богов-олимпийцев. Во-вторых, христианский Бог есть надмирный творец и властелин миров отличие от греческих богов, олицетворяющих мировые силы и подчиненных космическому порядку. Но есть и еще более серьезные отличия, связанные с пониманием человека и с соотношением божественного человеческого и природного. ,

Христианский Бог – это надмирный Дух, свободно творящий не только природу, но и человека. При этом человек лишь отчасти принадлежит природе, он прежде всего выступает как личность, т. е. сверхприродное «я» с его свободой, уникальностью, способностью к творчеству. Личность есть образ Божий в человеке. Иными словами, в человеке есть что-то божественное, но это «что-то» – не природная сила, а способность быть личностью. Таким образом христианская культура открывает и обосновывает абсолютную значимость человеческой личности, творчества и свободы. Правда, способ осмысления и практической реализации этого духовного открытия был весьма различен на различных стадиях развития христианской культуры.

«Вера во всемогущего Бога берет свое начало в иудаизме – религии древних евреев. Эта вера выражает трагическую историю народа, описанную в Ветхом Завете, – собрании книг, священных как для иудаизма, так и для христианства. Ветхозаветная история исполнена скитаний и надежды, горечи вавилонского и египетского плена»И, конечно же, такая история породила религию, в корне отличную от эллинской. Боги Эллады выражали доверие эллинов к сложившемуся порядку мироздания, их надежду на достойную жизнь в одной из ниш божественного космоса. Но для древних евреев наличный космос был миром изгнания и плена. Боги, олицетворявшие силы этого космоса, были подчинены его судьбе, которая для евреев была зло-

счастливой. Люди нуждались в надежде, и дать ее мог лишь Бог, который сам был творцом мира и властелином космической судьбы. Так сформировался первоначальный вариант иудаизма – самой древней монотеистической религии.¹

«Бог древних евреев, Бог Ветхого Завета был прообразом христианского Бога. Собственно говоря, для христианства это один и тот же Богменяются лишь его отношения с человеком. Так ветхозаветная вера рассматривается как подготовка к Новому Завету, т. е. новому союзу человека с Богом. И действительно, несмотря на существенные различия представлений Ветхого и Нового Завета, именно у ветхозаветных мудрецов впервые появляются те духовные запросы, на которые смогло ответить христианство. Но вначале остановимся на различиях»,²

Если Бог Ветхого Завета обращен ко всему народу в целом, то Бог Нового Завета обращен к каждой личности. Ветхозаветный Бог большое внимание уделяет исполнению сложного религиозно-закона и правилам повседневной жизни, многочисленным ритуалам, сопровождающим каждое событие. Бог Нового Завета обращен прежде всего к внутренней жизни и внутренней вере каждого человека.

«Однако уже в Ветхом Завете мы видим жажду человека подлинной встрече с Богом и стремление духовно освободиться от подчинения внешней стороне жизни. Эти мотивы прежде всего выражены в книге Иова и книге Экклезиаст». Это стремление к духовному преодолению внешней стороны бытия особенно проявляются на рубеже нашей эры, ибо народ вновь попадает под власть чужеземцев, которыми на этот раз стали римляне. В ветхозаветной истории Бог исполнил свое обещание, дал народу место для самостоятельной жизни. Теперь же оставалось только ждать Спасителя, который по верованиям древних иудеев должен был спасти весь народ и стать во главе царства. Но Спаситель (по-гречески – Христос) не приходил, и оставалось только задуматься: а может быть, ожидаемое спасение будет иметь вовсе не национально-государственный, а духовный характер? Именно с такой проповедью и выступил Иисус.³

«Из сомнения в достоверности отдельных биографических деталей нельзя делать вывод том, что проповедник Иисус никогда не существовал как историческое лицо. В таком случае становится чудом само возникновение христианства и тот духовный импульс, который (при всех частных разногласиях) объединяет и ведет за собой авторов Евангелий (они складывались в конце – начале вв. н. э.) и сплачивает первые христианские общины». В конце концов, этот духовный импульс слишком гениален и силен, чтобы быть просто результатом согласованной выдумки.⁴

Дальнейшие события показали, что содержание новой духовности (а она была реализована не только в проповеди, но и в самой жизни Иисуса и его ближайших учеников) имеет значение, выходящее далеко за пределы маленькой Иудеи. В это время Римскую империю охватывает постепенно нарастающий духовный (смысловой) кризис: на гигантских просторах империи люди чувствуют себя духовно потерянными, они становятся лишь винтиками огромной бюрократической машины, без которой невозможно управлять империей. Традиционные языческие боги выражали чувство душевной сопричастности к жизни космоса, продолжением которого воспринималась жизнь античного города-государства (полиса). В 1—2 вв. стали появляться первые христианские общины, подвергавшиеся гонениям, а после принятия христианства в качестве государственной религии в 4 веке в Риме христианство становится феодальным эксплуататором.

---

¹ Мень А. История религии. М., 1993, т. IV, с.298

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1994, с.67

³ Мень А. История религии. М., 1993, т. V, с.56

⁴ Петров М. К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 2005, с.40

Человек создан Богом по «образу и подобию Божию». т. е. является личностью, обладающей свободой и творческой способностью. Свобода личности связана с тем, что она воплощает в себе надмирный дух, происходящий от Божественного Духа. Первородный грех Адама и Евы нарушил богоподобие человека и отдалил его от Бога, однако образ Божий остался неповрежденным в человеке. Вся дальнейшая история рассматривается христианством как история воссоединения человека с Богом.

Высшей религиозной целью христианства является спасение. Специфика христианского понимания спасения выражается в догматах триединства и Боговоплощения. Бог извечно имеет три равноценных лица (личности:) – Отец, Сын, Святой Дух – объединенных единой божественной сущностью («природой») и имеющих единую волю. При этом христианское богословие требует «не смешивать лиц и не разделять сущности». Спасителем (Христом) выступает одно из лиц единого Бога (Бог-Сын). Бог-Сын воплощается в человеческую природу («вочеловечивается») и становится Иисусом из Назарета, чтобы искупить первородный грех и создать условия для восстановления богоподобия человека. «Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом», говорили отцы Церкви (правда, человек призван стать не Богом «по природе», а «богом по благодати»). Спасение требует от человека духовных усилий, и, прежде всего веры, но самостоятельно спастись невозможно, для этого требуется обращение к Иисусу Христу и действенное вмешательство самого Спасителя. Путь Спасения это путь уподобления Иисусу: духовное слияние с личностью Христа и (с Его помощью) очищение и преображение своей (греховной) природы, что ведет человека к окончательному избавлению от власти греха и смерти. Однако (в силу последствий первородного греха) человек не может избежать телесной смерти. Однако душа человека и его личность (духовное «я») бессмертны.

Путь к спасению и вечной жизни в единстве с Богом для человека лежит через физическую смерть; этот путь проложен крестной смертью и телесным воскресением Иисуса Христа. Спасение возможно лишь в лоне Церкви, которая есть «тело Христово»: она объединяет верующих в одно мистическое тело с «обоженной», лишенной греха человеческой природой Христа. Богословы сравнивали единство Церкви с единством любящих супругов, сливающихся любовью в одну плоть, имеющих одни желания и волю, но сохраняющих себя как свободных личностей. Христос есть глава этого единого, но многоликого церковного тела, подобно тому, как муж есть глава брачного союза (отсюда самоназвание монахинь: «невесты Христовы»).

Христианская нравственность исходит из самоценности личности (личность есть «образ Божий» в человеке) и неразрывной связи добра, истины и свободы. «...Познаете истину и истина сделает вас свободными», «Всякий, делающий грех, есть раб греха», – говорил Иисус. При этом добро и истина выражаются не в безличных формальных правилах, а в самой личности Иисуса Христа; отсюда – принципиальная неформализуемость христианской нравственности, которая по самой своей сути есть нравственность свободы. Выражая свободу человека, подлинно христианская вера держится не на страхе и внешнем долге, а на любви, направленной к Христу и к каждому человеку как носителю образа Божия. (*Ин. 8:32,34*).

Добро творится человеком на путях применения свободной воли во имя личности и любви: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» Иное применение свободной воли оборачивается ее самоотрицанием и духовной деградацией человека. Таким образом, в человеческой свободе содержится не только возможность добра, но и риск зла. Зло есть ложное применение свободы; истиной свободы является добро. Поэтому зло не имеет самостоятельной сущности и сводится лишь к отрицанию добра: все якобы самостоятельные определения зла на поверку оказываются лишь определениями добра, взятыми с обратным знаком. (*1 Ин. 4:8*).

Зло родилось как неправильное решение свободного духа, но через первоначальное грехопадение укоренилось в человеческой природе, «заразило» ее. Отсюда специфика христианского аскетизма: он борется не с самой по себе природой человека, но с живущим в ней

греховным началом. Сама по себе человеческая природа богоподобна и достойна одухотворения и бессмертия (этим христианство отличается от платонизма, гностицизма и манихейства). Человека ждет телесное воскресение; после Страшного Суда праведникам уготовано телесное бессмертие в новых, преображенных телах. Поскольку человеку трудно совладать с укоренившимися в его природе греховными желаниями, он должен смирить гордыню и вручить свою волю Богу; в таком добровольном отказе от своеволия и обретается подлинная, а не мнимая свобода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.